

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИСПАНСКОГО ПЛУТОВСКОГО РОМАНА XVI-XVII ВВ.

Работа представлена кафедрой романской филологии.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. П. Григорьев

Язык художественной литературы издавна испытывал влияние арготической лексики. Зародившись в XVI в. в Испании, жанр плутовского романа отвечает тенденции развития литературы, которую можно назвать «пишу как говорю», которая позволяла вводить в литературный язык все «высокие» и «низкие» формы, встречавшиеся как в диалектной, профессиональной, так и в устной речи. Многие испанские классики, среди которых Сервантес, Кеведо, Алеман, включали в том или ином объеме элементы деклассированных групп общества. Активное использование лексических средств из обихода низов является главным своеобразием испанского плутовского романа, его стилистическим маркером.

The belles-lettres language had been influenced by slang at all times. The picaresque novel's genre which originated in the 16th century in Spain meets the tendency of literature development that can be called «write as speak». It allows bringing into the literary language all «lofty» and «poor» forms that could be found in dialect and professional language as well as in spoken one. Many Spanish classics such as Cervantes, Quedo, Alemann included the language of the declassed elements to some extent. Active use of lower class' vocabulary is the principal peculiarity of a picaresque novel as well as its stylistic marker.

В середине XVI в. был создан особый жанр плутовской повести или романа (*povela picaresca*), который ознаменовался приходом в испанскую литературу типа бродяги-авантюриста (*pícaro*). Этот жанр включает в том или ином объеме элементы языка многочисленных воровских братств (*germanías*), шаек и прочих деклассированных групп общества. Испанские писатели, внимание которых привлекали деклассированные типы (*germanes, pícaros, jaques, rufos*), вводили в литературный обиход арготическую речь (*germanía*), которая образует целое с другими единицами текста и свидетельствует об экспрессивной, эмоциональной окрашенности речи. Семантическая одноплановость является, таким образом, различительным признаком пикарески, так как образ плута и среды, которая его порождает, показаны чрезвычайно остро в социально-типических формах словесного выражения мыслей и событий. Иначе говоря, речевые средства выступают как существенные признаки определенного художественного стиля, являющегося общим для испанского плутовского романа XVI–XVII вв.

К стилистике плутовского романа, начиная с пионера этого жанра «Ласарильо», относится принцип или прием насыщения специфической лексикой, которая приобретает функцию стилистического маркера. Она гармонично включена в эстетическую структуру литературного текста и является его стилистической основой. По мнению М. Менендеса-и-Пелайо, в столетней эволюции испанской пикарески лексические признаки стиля исторически не изменяются. Смысловая поливалентность текста, семантическая многозначность его структуры в динамическом развитии приводят лишь к качественным изменениям соотношения объектного и субъектного аспектов речи. Таким образом, стилистика пикарески синтетически и вместе с тем диалектически пользуется своими собственными лексическими средствами, т. е.,

как справедливо замечает В. В. Виноградов, «чем меньше степень индивидуализации стиля, тем больше выделяется в нем объективно-структурных качеств»¹.

Своеобразие литературного языка эпохи Возрождения и барокко зависит от характера взаимоотношений между литературным языком и нелитературными формами существования языка (территориальными и социальными диалектами, просторечием). Испанский язык XVI в. остается «молодым», поэтому языковая дистанция между обиходной разговорной речью и речью, близкой к литературному языку, почти не заметна. Диалектная окраска не воспринимается как «неправильность», скорее это подчеркнутый «колорит» и языковая оригинальность, вполне приемлемые в разговорно-обиходной (некодифицированной) речи. Различие между литературным и обиходно-разговорным языком наблюдается в определенности смысловой дифференциации вариантных и синонимических средств. Для лексической подсистемы языка плутовского романа безразличное употребление вариантов, в принципе, нехарактерно. Распространено функционально значимое варьирование, т. е. во многих случаях выбор варианта из ряда параллельных или синонимических средств связан с ощутимыми семантическими и стилистическими различиями. Использование параллельных и синонимических средств во многом определяет отношение читателя к определенному диахроническому этапу в истории литературного языка или как к языку «современному», или как к языку «вчерашнего дня». В нашем случае столетняя траектория испанского плутовского романа совпадает с творчеством классиков национальной литературы, в художественной практике которых формировался национальный литературный язык.

В конце XVII в. история сложившегося литературного языка состоит в том, что нефункциональное варьирование постепенно преодолевается, углубляется стилистиче-

ская и семантическая дифференциация языковых средств. В итоге формируется внутренняя функционально-стилистическая структура литературного языка, что усиливает его обособленность от нелитературных форм существования языка. Поэтому часть лексики плутовского обихода кодифицируется в лексикографических справочниках («Diccionario de autoridades» de Real Academia Española) как нормативная или с пометкой «germanía» (арго, жаргон) либо вовсе не фиксируется.

Глубина и определенность стилистической и смысловой дифференциации языковых средств прямо зависит от «возраста» литературного языка, т. е. можно сказать, что степень дифференцированности языковых средств есть «функция времени», в течение которого совершалась создавалась его история. Эволюция плутовского романа осуществляется в исторический период, в который завершается становление языка испанской художественной литературы. В это время, знаменующее эпоху Высокого Возрождения и барокко, стилистическая дифференциация языка представляет собой исторически первое осознание, осмысление языка обществом.

Стилистическая дифференциация увеличивает информационную емкость языковых знаков, поскольку формируется новый компонент содержания знака – *стилистическая маркированность*. Внутреннее социально-психологическое содержание стилистической маркированности сводится к оценке (или характеристике) знака с точки зрения его уместности в тех или иных условиях общения (то ли при обращении к Богу, то ли в частном общении, то ли в социально-публичном, служебном, официальном, профессиональном или, как в нашем случае, общении внутри маргинальных групп). В этом состоит культурно-психологический смысл формирования стилистической структуры языка. Стилистические оценки не формировались явно, а проявлялись в выборе одного варианта из ряда возможных.

Языковое «наполнение» функциональных стилей во многом зависело от идеалов и языковых программ эпохи Возрождения и барокко в Испании. Поэтому для нас представляется важным учитывать связь литературного языка с эстетикой пикарески.

Плутовской роман развивается вне обособленности от книжной и разговорной речи, его язык рационалистически ясен и близок к живым краскам разговорной речи.

Одним из наиболее характерных и динамичных языковых средств плутовского романа, как мы отмечали выше, является словарь арготизмов, к которым мы относим специфическую лексику и фразеологию плутовского обихода или *херманию*. Современный академический словарь испанского языка Королевской Академии определяет херманию как «жаргон или манера речи воров, бродяг, мошенников и сутенеров, в котором используются обычные слова испанского языка с иным, не общепринятым значением, а также многие иные слова самого разного происхождения» («jerga, argot o manera de hablar de ladrones, vagabundos, pícaros y rufianes, compuesta de voces del idioma español con la significación distinta de la verdadera, y de otros muchos vocablos de orígenes muy diversos»)². Общей чертой хермании является ограниченность его социальной основы: она выступает средством общения, причем, как правило, дополнительным, отдельных социально-сословных маргинальных групп, а не всего народа (как литературный язык) и не всего населения региона (как территориальные диалекты).

В функциональном и структурном планах хермания, или плутовской диалект, как и все другие социальные типы диалектов, является производным, сформировавшимся на базе ведущих форм бытования языка, пользующимся их фонетическим и грамматическим строем и являющимся в плутовском романе лексическим маркером стилистической доминанты.

Общим признаком всех литературных текстов пикарески, входящих в материал

нашего исследования, является «низкая» социальная маркированность лексики, т. е. одним из жанрообразующих факторов пикарески является периферийная лексическая система языка, пополняющая фонд общелитературного языка.

Язык плутовского обихода, или хермания, это разновидность арга, так как является социально детерминированным, обозначает способ общения деклассированных элементов, представителей плутовской среды. Хермания состоит из произвольно избираемых элементов простонародного языка середины XVI – середины XVII в., ее грамматический строй подчиняется общим законам разговорной речи.

Эта лексическая система берет свое начало в речевом обиходе тех слоев, социальных страт общества, жизни которых посвящены плутовские романы.

Плутовской словарь состоит из слов и фразеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отдельной социальной группе деклассированных элементов, и отражает ценностную ориентацию этой группы. Основа языка плутовского романа – специфический словарь социолектов, который представляет собой слой разговорной лексики, состоящий из *арготизмов* (жаргонизмов, маргинализмов, диалектизмов, койне), отражающих плутовато-фамильярное, часто юмористическое отношение к предмету речи. Хермания употребляется преимущественно в условиях непринужденного общения.

От общенародного языка XVI–XVII вв. хермания отличается специфической лексикой, фразеологией и особым использованием словообразовательных средств. Часть плутовской лексики – показатель принадлежности не к одной, а ко многим (в том числе уже исчезнувшему) социальным группам. Переходя из плутовского словаря в словарь «общего фонда», слова могут менять форму и значение.

Пополняется словарь хермании, во-первых, за счет переосмысления общеупотребительных слов (чаще всего), во-вторых,

их переоформления, в-третьих, за счет заимствования из других языков или диалектов.

Понимание языка плутовского романа, его широкое распространение и популярность привели к тому, что его словарные элементы закрепились вследствие их длительного использования в литературных текстах и значительная часть плутовского словаря стала общеупотребительной. Эти слова часто сохраняют эмоционально-оценочный характер, однако «знак» оценки может измениться как в сторону «сниженности» в экспрессивном плане характеристики лиц, предметов, событий, так и в сторону нейтрализации. Существенным фактором является то, что при переходе в литературный общеупотребительный язык «плутовская» лексика теряет прикрепленность, т. е. перестает быть социально детерминированной.

«Плутовская» лексика может носить как открытый, так и «замкнутый» характер. Замкнутый характер носит, например, воровское арга, являющееся примером так называемого тайного («условного» или «криптолалического») языка. Этот язык использовался относительно замкнутыми социальными группами (чаще всего представителями преступного мира). Название связано с конспиративной функцией этого языка. Он отличается относительно небольшим словарем, содержит в основном конкретную лексику, ограниченное число абстрактных существительных, прилагательных, глаголов. Лексика замкнутой системы исчезает вместе с соответствующей социальной группой, так как она всегда жестко прикреплена к ней, поэтому лексика «тайного» языка не является источником для общенародного литературного языка. В открытых группах (студенты, попрошайки и пр.) «плутовская лексика» – «открытая игра» (термин Есперсена).

Так, для хермании характерна богатая синонимика или лексическая дублетность, одни слова заменяют другими, более эффек-

тивными и остроумными. Стремление к метафоризации дает его создателям широкий простор в технике изобретательности, смелости видения и остроте наблюдательности. Чем больше степень разрыва между первичным и производным значениями, тем ярче эмоциональный эффект. Слова плутовского обихода – это экспрессивы, в которых семантика содержит как бы одновременное видение двух картин в слове – его денотата и коннотата, причем коннотативное начало будет обязательно преобладать над денотативным.

Специальных работ, посвященных проблеме проникновения хермании в язык испанской художественной литературы, немного. Литературная жизнь плутовского жаргона изучена слабо. Плутовской «взрыв» XVI–XVII вв. прошел не бесследно. Слова социального дна, поднявшись в язык литературы, частично просачивались в общенациональный язык и фиксировались в лексикографических справочниках. Другая часть лексического репертуара социальных низов оставалась на уровне стилистических маркеров плутовского романа.

Работы, в которых рассматривается проникновение арго в испанскую литературу, могут быть разделены на три категории. Первую составляют обзорные исследования – это работы Ф. Ласаро Каретера³ и Франсиско Рико, в которых исследуемый феномен представлен в общих чертах, поверхностно.

Ко второй категории мы относим работы лексикологического плана, авторы которых подходят к литературному тексту как к лексикографическому источнику. Фундаментальными исследованиями такого рода являются труды Джона М. Хилла⁴ и Хосе Луиса Алонсо Эрнандеса⁵. Оба автора методично обследовали арготическую лексику, имеющую фиксацию в различных литературных памятниках. Алонсо Эрнандес составил на этой базе словарь, каждая статья которого построена по следующей схеме: арготизм с грамматическими пометами, его толкование в «Словаре Авторитетов» или в «Словаре двух языков», слу-

чай употребления.

В последние годы появилось несколько исследований, которые мы относим к третьей категории: работы аналитического плана. Они не относятся непосредственно к художественным литературным текстам. Это статья Э. М. Береговской «Французское арго: эволюция его восприятия», а также статья Н. Н. Шарандиной «Арготическая лексика в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы». Структурные исследования лексики и стиля автора привели Н. Н. Шарандину к выводу, что каждое произведение представляет собой определенный код и поэтому должно расшифровываться в первую очередь не на уровне текста, а на уровне системы, которая его породила.

Из обзора исследований, посвященных проникновению арго (хермании, «плутовского» языка) в язык художественной литературы, видно, что за последние годы наметилась новая тенденция – от перечисления авторов, использующих арго, и регистрации арготизмов, попавших в те или иные произведения, переходить к исследованию системы арготизмов в произведении. Описательный подход понемногу начинает уступать место подходу функциональному, что представляется неизбежным, поскольку, как отмечал М. М. Бахтин, «...расслоенность языка – жанровая, профессиональная, социальная в узком смысле, мировоззренческая, направленческая, индивидуальная, его социальная разноречивость (диалекты), – входя в роман, по-особому упорядочивается в нем, становится своеобразною художественною системой, оркеструющей интенциональную тему автора»⁶.

Важную роль арготизмов в художественном произведении отмечает В. П. Григорьев: «Жаргоны по-своему необходимы литературному языку. Без них он рисковал бы окостенеть и зачахнуть»⁷.

Плутовской роман, как никакой другой, дает достаточный материал для изучения арготических элементов (хермании) в силу своей лексической специфики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М: Художественная литература, 1961.

² *Diccionario de Autoridades.* Ed. facs. Madrid: 1992. Vol. 1, 2, 3.

³ *Carreter L. F.* Originalidad del Buscón (1961), en *Estilo barroco y personalidad creadora.* Madrid: Cбtedra, 2004. P. 77–78.

⁴ *Hill J. M.* Voces germanescas. USA, Bloomington: University Publications, 1949.

⁵ *Hernandez A., Luns J.* Léxico del marginalismo del Siglo del Oro. Salamanca: Filosofía y letras, 1999.

⁶ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанс. М.: Художественная литература, 1990.

⁷ *Григорьев В. П.* История испанского языка. М.: Высшая школа, 1985.